

INSPIRIA

СМОЛА

АНЕ РИЭЛЬ

INSPIRIA

Ток. Upmarket Crime Fiction. Больше чем триллер

Ане Риэль

Смола

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.113.4-312.4

ББК 84(4Дан)-44

Риэль А.

Смола / А. Риэль — «Эксмо», 2015 — (Tok. Upmarket Crime Fiction. Больше чем триллер)

ISBN 978-5-04-191261-1

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР, ВЫШЕДШИЙ В 31 СТРАНЕ. ЕДИНСТВЕННЫЙ РОМАН, ПОЛУЧИВШИЙ СРАЗУ 4 САМЫЕ ПРЕСТИЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ СКАНДИНАВИИ. «КНИГА 2018 ГОДА» ПО ВЕРСИИ THE GUARDIAN, THE TELEGRAPH И DAILY EXPRESS. Лив умерла, когда ей было всего шесть лет. Лодка с маленькой девочкой разбилась ночью в море. По крайней мере, такую историю поведал властям ее отец Йенс. Реальность же оказалась совсем иной... В крохотном доме на уединенном острове, за коробками с разным хламом, заполонившим мастерскую Йенса Хаардера, среди искусных деревянных гробов и застывших в смоле насекомых, прячется его дочь. Она не ходит в школу, не дружит со сверстниками, проводит время, общаясь с деревьями. И все потому, что Йенс, страдающий навязчивым поведением, слишком сильно ее любит. Он пытается защитить Лив, укрыть ее, спрятать от целого мира... И эта любовь, переросшая в одержимость, искривляет реальность девочки. Для нее норма – по ночам пробираться к соседям и воровать их вещи. Норма – брат-близнец, которого никто не видит. Норма, когда отец убивает бабушку. Но однажды привычная жизнь семьи Хаардер начинает рушиться... Тревожная и душераздирающая история о том, что может случиться, когда вы слишком сильно любите кого-то. Когда желание защитить становится тем, что причиняет наибольший вред. «В высшей степени оригинально... Это напомнило мне Стивена Кинга в его лучших проявлениях: страшно, как в аду, но с состраданием к каждому герою, каким бы заблудшим они ни был». – Джейк Керридж, Daily Telegraph «Восхитительно жуткий... этот роман соперничает с самыми мрачными фантазиями братьев Гримм». – Observer «"Смола" – одна из самых выдающихся книг, которые я прочитал за очень долгое время. Замечательно, убедительно и прекрасно написано... неудивительно, что "Смола" – лауреат

четырех самых престижных литературных премий Скандинавии. За этим претендентом на лучшую книгу года, несомненно, последуют международные награды». – Daily Express «Леденящая кровь история о том, на что способен мужчина, чтобы защитить свою семью и образ жизни. Лив и то ужасающее место, в котором ей удастся выжить, останутся со мной надолго». – Клэр Фуллер, автор романа «Горький апельсин»

УДК 821.113.4-312.4

ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-191261-1

© Риэль А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Лив[1]	7
Йенс Хордер	13
Сраженный	23
Счастье	28
Моя бабушка	32
Возвращение	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ане Риэль

Смола

Ane Riel

Harpiks

Copyright © Ane Riel, Copenhagen 2015

Published by agreement with Copenhagen Literary Agency ApS, Copenhagen. The Russian language publication of the book was negotiated through Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency.

© Скачкова А.А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Лив¹

В нашей белой комнате было совсем темно, когда папа убивал бабушку. Я была там. И Карл – тоже, только его никто не заметил. Это случилось рождественским утром. Шел снег. Правда, по-настоящему новогодний белый снег в том году так и не выпал.

Тогда все было иначе. Это произошло еще до того, как папиных вещей стало так много, что невозможно было зайти в гостиную. И мама еще не растолстела настолько, что уже не могла выйти из спальни. Но уже *после* того, как родители сообщили о моей смерти, чтобы мне не нужно было ходить в школу.

А может, это случилось раньше... Я плохо помню последовательность событий, время для меня слилось в единое целое. В детстве дни кажутся нам бесконечными. Теперь я знаю, почему так происходит. Одна женщина объяснила мне, что в детстве с нами все случается в первый раз. Когда мы маленькие, каждый наш день полон новых впечатлений.

Моя жизнь тогда тоже была полна новых впечатлений. И многое случилось со мной в первый раз. Например, я увидела, как умирает моя бабушка.

Наша рождественская елка висела на потолке. Это никого не удивляло – папа любил вешать вещи на потолок, чтобы использовать все пространство гостиной. Подарки он ставил на пол прямо под свисающим деревом, поэтому мы каждый год надеялись, что елочку он принесет маленькую.

В тот год в гостиной оставалось достаточно места для больших подарков, поэтому и елка нужна была небольшая. Я уже знала, что нам подарят: папа сделал в мастерской невероятно красивую детскую машину, на которой можно было ездить, а мама сшила для нее пару красных подушек.

Мои родители всегда делали подарки своими руками. Поэтому откуда мне было знать, что другим детям подарки покупают в магазине. Но мне было уже хорошо известно, что люди заводят детей, а дети получают подарки. Мы с Карлом были совсем не похожи на обычных детей. Мы просто радовались тому, что получали. Больше всего мы радовались папе и маме. Ладно, Карл иногда на них сердился, только не мог объяснить – почему.

Главной новостью того Рождества стала смерть бабушки. С нами такого раньше не случилось, да и с ней – тоже. Во всяком случае, когда она сидела с нами в гостиной в зеленом кресле и не моргая смотрела на елку, выглядела она очень удивленной. Наверное, ей понравилось мое плетеное сердечко из коричневой бумаги, и она рассматривала его. Это бабушка научила меня плести такие сердечки, еще до того, как она сказала папе все то, чего ей совершенно не следовало говорить.

В тот вечер мы решили, что, прежде чем бабушка отправится дальше, она побудет вместе с нами у елки и получит свой подарок. Ладно, это мы с папой так решили. Скорее даже только я. Мама согласилась только потому, что я начала ныть.

Я сидела на полу прямо перед бабушкой, и, помню, ее ноги стояли на подставке. Ее сиреневые нейлоновые чулки были настолько прозрачными, что через них просвечивали штаны, а коричневые ботинки постоянно сладко пахли чем-то, что защищало их от дождя. Это были совсем новые ботинки, купленные в магазине на материке. Так бабушка сама мне сказала. На ней была вся та одежда, которую я нашла в ее сумке: серая юбка, красная блузка и платок с белыми чайками. Это я настояла на том, чтобы мы нарядили ее к Рождеству – нехорошо сидеть на праздничном ужине в домашней сорочке.

¹ Женское имя, в переводе с дат. «liv» – жизнь (*прим. пер.*).

С того самого вечера в ее зеленом кресле никто больше не сидел. Мы просто не помещались в нем – теперь там лежало слишком много вещей.

Поскольку бабушка не могла сама развернуть свой подарок, мне разрешили ей помочь. Сначала я подумала, что папа и для нее сделал машину, потому что в газетную бумагу был завернут длинный деревянный ящик на колесах. Оказалось, что это гроб. Без руля и красных подушек. И без крышки. «Крышка не всегда нужна», – сказал папа. Единственное, что было внутри, – подушка, которой бабушку задушили утром.

Потом мы положили бабушку на подушку (на этот раз она была, как следует, под головой, а не на лице), и папа выкатил гроб на улицу. Пройдя мимо поленницы дров, он вывез его в поле за сараем. Карл и я поехали за ним в нашей новой машине, и, конечно же, он сидел внутри, а я толкала, иначе мы бы так и не сдвинулись с места. Потом и мама пришла. Она всегда ходила чуть медленнее.

Было очень темно, но мы уже привыкли передвигаться в темноте. В тот вечер небо было все затянуто тучами – я не увидела ни звездочки, и даже лес вокруг нашего дома и полей едва можно было разглядеть. С утра было ветрено, но под вечер ветер стих. Снег снова растаял. Рождеству, видимо, в этом году захотелось быть тихим и темным.

Мы развели костер для бабушки с помощью средства для розжига, газет и очень длинных спичек для камина, с которыми нам, кстати, нельзя было играть (хотя Карл все равно играл). Разумеется, мы сначала сняли с бабушки туфли – они же были совсем новые и защищали от дождя.

Пламя разгорелось очень быстро, и нам пришлось отойти в сторону.

Вскоре костер запылал с такой силой, что из темноты показались и кусты на опушке леса, и даже корыто с водой, стоявшее возле сарая. Я посмотрела по сторонам и увидела сзади свою собственную тень, которая танцевала на освещенной пламенем стене сарая, и маму с папой в свете огня. Они держались за руки.

Я снова посмотрела на бабушку. Она горела. У меня вдруг неприятно заныло в животе.

– Ей точно не больно? – спросила я.

– Нет, не переживай, – сказал папа. – Она ничего не чувствует. Она уже не здесь.

Я забралась в свою машину и еще раз посмотрела на лежавшую в гробу бабушку. Папин ответ показался мне странным. Но я всегда верила тому, что он говорил. Он все знал. Это ведь он рассказал мне, что в темноте не может быть больно. Например, рыбы на дне моря совсем не замечают, что цепляются за наш крючок, а кролики – что застревают у нас в ловушке. «Темнота забирает боль» – так он всегда говорил. «Мы забираем столько кроликов, сколько нам нужно». Именно поэтому такие *хорошие* люди, как мы, охотились только ночью.

Было еще одно доказательство того, что бабушке уже не было больно – она ведь не издала ни звука, пока горела. Обычно если у нее что-то болело или ей что-то не нравилось, она кричала. Я никогда не слышала, чтобы кто-то кричал так же громко, как она, когда ей на голову свалилась целая банка тунца. Иногда бабушка могла так разозлиться, что никому мало бы не показалось.

Когда мы пришли проведать тело следующим утром, оно еще тлело. Или, лучше сказать, не тело, а то, что от него осталось, а осталось уже не так много. Мне вроде бы было немного жаль, что бабушки теперь нет. Я была бы рада, будь она все еще жива. Она пекла такие вкусные блинчики.

Днем я решила проверить ее еще раз, но, кроме темной земли и засаленной травы, уже ничего не было видно. Папа сказал, что уже все убрал и закопал останки. Только не сказал, где именно.

Позже я много думала о том, действительно ли правильно поступил папа, задушив ее подушкой. Он утверждал, что правильно. Иначе все было бы еще хуже.

Когда папа ее душил, бабушка молчала. Она только как-то странно дергалась в кровати, пока совсем не умерла – так же, как те рыбки на дне лодки, которые вот-вот задохнутся без воды. Поэтому мы их ударили палкой по голове, чтобы они не страдали. Ведь никто не должен страдать.

К счастью, тем рождественским утром в комнате бабушки было совершенно темно. И раз она умирала в темноте, ей точно не было больно. Во всяком случае, так я думала тогда. К тому же все произошло быстро, потому что папа давил на подушку со всей силы. Все, кто рубит деревья, делает мебель, таскает дрова и разные вещи, – очень сильные. Возможно, и у меня бы получилось, потому что папа всегда говорил, что я была очень сильной для своего возраста и вообще – слишком сильная для девочки.

По правде говоря, я никогда не задумывалась над тем, какая я. Наверное, я была такой, какой они меня видели. Но иногда я видела то, чего не видели они.

* * *

Мы жили на Ховедет² – таком маленьком острове, который был чуть выше другого острова, большого. На Ховедет жила только наша семья, и мы со всем справлялись сами.

Ховедет соединялся с главным островом с помощью узкого перешейка, который назывался Хальсен³. Сейчас я с трудом ориентируюсь во времени, но папа всегда говорил, что если идти от нашего дома через Хальсен быстрым шагом, то всего через полчаса можно дойти до ближайших домов, а еще через четверть часа – до Корстеда, самого большого города на острове. Мне всегда казалось, что Корстед – просто гигантский, но бабушка рассказывала, что он очень маленький по сравнению с тем городом на материке, где она жила. Мысль о большом скоплении людей очень меня пугала.

Мне было неуютно среди чужих людей. «Никогда не знаешь, чего от них ожидать, – говорил папа. – И ни в коем случае не верь их улыбке».

Было у жителей главного острова и кое-что хорошее – у них мы могли найти все необходимое. Можно даже сказать, что без них мы бы не справились.

Поскольку теперь папа не очень хотел уходить с Ховедет ночью, главным добытчиком в семье была я. Он уже многому меня научил, и я сама прекрасно знала, как и что нужно делать.

В самом начале мы ездили вместе на грузовике. Обычно – по ночам, когда все уже крепко спали. Мы всегда находили укромное место, чтобы спрятать автомобиль, а потом тихонько пробирались во дворы и находили вещи в машинах, сараях, гостиных и кухнях. Как-то раз мы забрались в спальню к женщине, которая была настолько пьяна, что нам даже удалось стянуть с нее одеяло. Потом я еще долго размышляла над тем, что же она подумала, проснувшись утром без одеяла. Папа сказал, что видел ее на следующий день в Корстеде, и выглядела она растерянной. Еще бы! Одеяло-то было из гусиного пуха. Может быть, она решила, что оно улетело само по себе?

Это одеяло досталось моей маме, а я взяла ее старое, на которое папа чуть раньше обменял свой чудесный пресс для набивки колбас. Старое одеяло было с утиным пухом. Через несколько месяцев мы все-таки забрали пресс для набивки колбас у парикмахера, потому что решили, что он ему не нужен. Парикмахер с женой спали на третьем этаже, а пресс стоял на кухне на первом этаже. Они никогда не запирали дверь со стороны кухни, поэтому пробраться внутрь было проще простого. Тогда мне казалось, что парикмахер тоже хотел, чтобы мы забрали у него свои вещи. Или его вещи. Как же отвратительно пахло от его жены! Этот мерзкий запах доносился даже из кухни. На месте этого парикмахера я была бы очень рада,

² В переводе с дат. «hovedet» – голова (прим. пер.).

³ В переводе с дат. «halsen» – шея (прим. пер.)

если бы кто-то вот так пришел и забрал эту жену вместо прессы. «Это такие духи», – объяснил папа.

Мамина подушка с утиным пухом долго пахла этими мерзкими духами, а когда подушку отдали мне, то она пахла не духами или уткой, а мамой. А вот от новой подушки пахло алкогелем, хотя мама не пила ничего крепче кофе со сливками, а под конец она вообще пила только воду из насоса, но об этом я еще расскажу.

Мой папа мастерски чинил окна и двери. Этому он научился у своего папы. Я никогда не видела дедушку, но знаю, что его звали Силас. А теперь папа учил меня, и я тренировалась в нашей мастерской на окнах и дверях, раздобытых нами в походах. Этого добра было много на свалке в южной части острова, и мы привозили с нее все, что помещалось в грузовик. И зачем люди выбрасывают такие хорошие вещи! Их ведь можно чинить, открывать, закрывать, играть с ними, в конце концов!

Дома, в которых стояли новые двери, мы обходили стороной – их было тяжело открыть, если владельцы вдруг додумались запереться. Но таких на острове, к счастью, было немного. Если вдруг мы не могли попасть в дом, то всегда можно было забраться в пристройку или сарай – там тоже было чем поживиться. Как-то раз мы даже забрали свинью. У нас свиньи как раз не было, а у фермера их было полно. Он бы один их всех все равно не съел. Как же я удивилась, что свинья не испугалась и даже не пискнула, когда папа взял ее на руки. Наверное, это потому, что папа хорошо обращался со всеми животными.

И у него хорошо получалось их забивать так, что они ничего не замечали. «Это тоже хорошее обращение, просто немного другое», – говорил он.

Пришло время мне идти в ночной поход одной. Сначала было как-то не по себе, потому что в прошлый раз папа вел себя странно. Мы проезжали по маленькой деревушке и на обочине дороги нашли пару длинных ржавых железных балок. Свалив их в грузовик, мы поехали дальше, но на повороте одна из них ударилась о стенку багажника, и раздался сильный грохот. В нескольких домах зажегся свет. В последний момент папе удалось свернуть на обочину и спрятаться за кустами, поэтому никто нас не увидел. На следующий день мы перетащили железные балки на второй этаж и оставили их в коридоре. «Смотри не ушиби о них пальцы, когда ходишь босиком», – предупредил папа.

Был еще один раз, когда нас чуть не рассекретили, но уже по моей вине. Я споткнулась о колпак колеса в гараже сантехника. Услышав, что сантехник открыл дверь в гараж, я тут же спряталась в углу и задержала воздух. Если бы не его кошка, выпрыгнувшая ни с того ни с сего, он бы включил в гараже свет и увидел меня. Но вместо этого он закричал: «Проклятье! Так это ТЫ тут шумишь? А ну-ка иди сюда!»

Когда я вышла из гаража, папа посмотрел на меня бешеным взглядом. Он стоял за гаражом, все видел и слышал, и тоже не ожидал, что меня спасет кошка.

Позже я поняла, как хорошо уходить в ночные походы без него. Я была меньше и быстрее, чем он, и научилась двигаться тихо, словно мышка. По ночам я ходила пешком, иногда бегала – для того, чтобы самой ездить на машине, я была слишком маленькая, а на велосипеде я просто не хотела. И в темноте я видела лучше, чем папа. Он часто говорил: «Будь как сова». И я была совой, хоть и не умела летать и поворачивать голову на триста шестьдесят градусов. Я пыталась научиться, но поняла, что ни то, ни то у меня не выходит. Карл тоже пытался научиться, и у него получалось чуть лучше.

* * *

Первое, что вспоминается мне о жизни на Ховедет, – это запах свежей смолы. Странное щекотание в носу, липкие ладони и нежный голос папы, который рассказывал мне о текшем по стволу соке. Папа говорил, что этот сок – волшебный, потому что может защищать от вра-

гов, залечивать раны и навсегда сохранять тела маленьких мертвых животных. Я помню, как увидела на дереве крохотного живого муравья: он полз вверх по коре, но, обнаружив путь в обход вязких золотистых капель, на мгновение исчез в трещине. Потом он выполз – уже чушь выше, чем был до этого, – и побежал наверх.

После этого я ходила и шептала кровоточащим деревьям, что их ранки вылечатся, потому что смола – их целитель и защитник. Деревья были моими друзьями.

А муравьи были нашими общими знакомыми. Эти маленькие бесстрашные существа всегда находили дорогу домой: вверх по дереву, вниз по дереву, по траве, через двор, кухню, вверх по шкафу, вниз по банке с медом, через гостиную. И, конечно, они не забывали прихватить по пути гостинцы – кусочек еды или полезную в хозяйстве мелочь. Удивительно, что иногда они переносили добычу на своих мертвых родственниках.

Я не знаю, называл ли кто-то деревья за нашим домом лесом. Сколько вообще нужно деревьев, чтобы назвать их лесом? Но для нас с Карлом это был лес. Огромный-преогромный лес. Нет, даже больше. Это был безграничный мир запахов, звуков и жизни, где-то вдали смеющийся песнями жаворонка, зарослями вереска и песколюбки, а за ними – песок, перетекающий в воду, которая оборачивалась безграничным морем.

Я не сразу поняла, что дальше есть вереск и море. Сначала для меня существовали только деревья. Истекающие кровью деревья и умный муравьишка, который умел обходить липкое золото, в котором мог увязнуть.

Потом я познакомилась и с другими деревьями – елями, склоняющими свои пушистые ветви-веера к земле, словно они хотели услышать, что же она им шепчет. Ели всегда были такими грустными, и, хотя многие из них уже выросли большими-пребольшими, было ощущение, что они тоскливо тянулись к тому месту, откуда выросли. Совсем другими были сосны – густыми и сильными, с торчащими во все стороны иголками и выпирающими шишками, и мне часто казалось, что земля им совсем безразлична. Я уверена, что они тянулись к небу и с радостью взлетели бы, если бы знали, как вырваться с корнями из земли. Но все же я надеялась, что они захотели бы вернуться обратно. Они, несмотря ни на что, были частью Ховедед, так же, как и я.

Я больше любила ели, хоть и мечтала летать, так же как сосны.

Еще в лесу были гремучие вязы. Они прятали между елями и соснами свои стройные сероватые стволы, на которых сидели гирлянды зеленых листьев – маленьких пильчатых сердечек, поющих звонкие песни при легком дуновении ветра. Мне так нравился этот громкий звон, что я просто садилась под один из вязов и ждала, пока подует ветер. Я хорошо помню, как испугалась, когда листья при первом вздохе осени ни с того ни с сего упали и разлеглись вокруг меня на земле. И вот я сидела в озере из потерянных сердец. Потом я пыталась повесить их обратно на ветки – только на самые низкие, потому что и я была не особо высокая, – но благодаря моим усилиям на земле оказалось еще больше листьев. Я ничего не поняла, пока не позвала папу, и он мне не объяснил.

С тех пор лес стал для меня самым безопасным местом в мире. Я поняла, что все возвращается на свои места. Что цвета сменяют друг друга: от светло-зеленого до темно-зеленого, огненно-красного и золотисто-коричневого до черного-пречерного. Земляного. Что земле нужно чем-то питаться, потому что она дает новую жизнь свету. Что свет сменяется тьмой, а тьма – светом. И сердечки вырастают снова.

Сейчас мне кажется, что папа был счастлив именно там. Среди природы. Где он мог дышать полной грудью. Никогда мы не вдыхали так много воздуха и не впитывали столько дневного света, как там. Я уверена, что солнце наполняло папу изнутри, так же как и меня, когда мы вместе лежали в лесу на земле и смотрели на кроны деревьев и сидевших в них птиц. Я выучила голоса всех птиц еще до того, как мама разучила со мной алфавит.

Иногда я думаю о том, что именно этот воздух и сохранял жизнь в моем папе. И этот свет. Вдруг их можно хранить внутри, чтобы использовать потом, если будет нужно, так же, как можно хранить воспоминания. Или как хранят печенье в кладовой; зонты, колпаки на колесах и старые граммофоны – на кухне; ремни, рыболовные сети и жестяные банки с едой – в ванной; железные балки, баки для навоза и бензина, газеты и одеяла – в коридоре; автомобильные запчасти, пружинные матрасы, велосипеды, кукольный театр, скрипки, корм для цыплят – в гостиной; полотенца, аквариумы, швейные машинки, свечи, стопки книг и коробки с крекером – в спальне; чучело головы лося – рядом с домом; а кассетные ленты, одеяла, лотки из фольги, мешки с солью, ведра с краской, тазы, медвежат и детей – в старом контейнере?

Соглашусь, что звучит странно. Но именно так все и было. Как я поняла позже – мы были не совсем обычной семьей. Мама тоже это поняла. Сейчас я начинаю читать письма, которые она спрятала для меня в тонкой зеленой папке. С надписью: «Для Лив».

Это, кстати, мое имя. Меня зовут Лив.

Я не буду читать их все сразу – не хочу, чтобы они заканчивались, поэтому буду читать по одному. У меня еще полно времени.

Мой папа тоже был совсем не похож на других.

Его звали Йенс.

Йенс Хордер.

Дорогая Лив,

Я положу это письмо сверху. Пусть оно будет первым. Остальные можешь читать в любом порядке. Никаких строгих правил нет.

Мне никогда не хватало смелости рассказать тебе то, что я хотела, а после того, как я потеряла голос, то и возможности уже не было. Все же я умею писать, а ты – читать (об этом я позаботилась), и, может быть, однажды ты прочитаешь мои мысли в этих письмах. Возможно. Не знаю, стоит ли мне на это надеяться. Может, хотя бы на то, что ты сейчас уже достаточно взрослая, чтобы прочитать их.

Я уже написала пару длинных писем для тебя, но тут есть и совсем короткие, скорее это просто записки, внезапные мысли. Не знаю, сколько всего писем получится в конце. И что вообще будет в конце.

Я прячу эту папку от твоего отца. Так будет лучше. Если я положу ее между кроватью и матрасом и накрою покрывалом, то ее совсем не будет видно, но при этом она будет близко, и если мне вдруг придут какие-то мысли в голову, я смогу их быстро записать.

Мне теперь гораздо сложнее это делать. Я стала такой тяжелой и с трудом могу повернуться. Боль разливается по всему телу.

Прости, если содержание моих писем покажется тебе хаотичным. Может быть, ты все поймешь – ты ведь отлично научилась ориентироваться в хаосе. Может быть, ты поймешь и отца.

Ты должна знать, что я его люблю. И что, скорее всего, он однажды меня убьет. Я хочу попытаться понять его, Лив. Но захочешь ли ты?

Целую, мама.

P. S. Не знаю, назвать ли нашу жизнь приключением или кошмаром. Может – и тем, и тем? Надеюсь, что ты видишь в ней больше от приключения.

Йенс Хордер

Было время, когда Йенса Хордера называли самым красивым мужчиной на острове, но с годами становилось все сложнее понимать причину такого вывода. Отчасти потому, что он отпустил некрасивую и неухоженную бороду, отчасти потому, что его самого теперь с трудом можно было рассмотреть. Не столько за бородой, сколько за грудой всех этих вещей вокруг него. Разве можно было предположить, что для Йенса все обернется такой трагедией.

Йенса знал весь остров. Точнее сказать – все знали, кто такой Йенс Хордер. На него обращали внимание, когда он проезжал по Корстеду в своем старом грузовике. Разумеется, это касалось людей определенного возраста. Другими словами, почти все жители острова прекрасно знали, что в этом старом грузовике когда-то разъезжал его отец, чаще всего – с багажником, полным только что отремонтированной деревянной мебели или рождественских елок. С отцом ездил и Йенс – очаровательный паренек сидел среди всего этого богатства и радостно визжал, когда фургон трогался с места. Ничего не предвещало ни длинной бороды, ни трагедии.

* * *

Все начиналось так хорошо. Йенс был любимым ребенком, таким же любимым, как и его брат Могенс. Эти ребята счастливо и беззаботно жили на Ховедет с родителями. Братья были лучшими друзьями, а весь Ховедет был их игровой площадкой. Потом, когда отец научил их помогать с делами в мастерской, они стали не только играть, но и работать.

Силас, их отец, умел многое, но прежде всего был отменным столяром. Здесь ему не было равных. Величайшей ценностью для него было дерево – чудо природы, к которому он относился с огромным уважением уже с той самой секунды, как ростки его начинали пробиваться сквозь землю, независимо от того, что с ним будет дальше – станет ли оно дровами, мебелью или старенькой новогодней елкой. Или переживет самого Силаса. Избранные деревья становились искусно украшенными гробами, и таким образом снова уходили под землю, откуда когда-то выросли.

Оба сына унаследовали ремесленный талант отца, но это, пожалуй, было их единственным сходством.

Йенс был младшим сыном. «Самый маленький, самый мрачный и самый красивый», – постоянно говорила мама, когда мальчишки играли во дворе, а она наблюдала за ними из окна. А у Могенса была светлая голова – это ее успокаивало. Когда-нибудь сыновья продолжат дело отца. Вся надежда была на Могенса: Эльсе Хордер верила в предпринимательскую жилку старшего сына и была совершенно уверена, что он будет справляться с делами лучше Силаса.

Силас, без всяких сомнений, был искусным столяром, но совершенно ничего не смыслил в цифрах и бумагах. Деньги в семье водились, но вместо того, чтобы, как и полагалось, покупать что-то нужное для мастерской, Силас тратил их на ерунду. Он частенько заезжал в один комиссионный магазин на главном острове, где мог найти что-то бесполезное, но невероятно интересное и очень редкое. Частенько он возвращался домой с такими вещичками и был очень рад, что ему удалось их отыскать.

Жену это, конечно, не сильно радовало, но Силас не успокаивался. Он был убежден, что все эти вещи ему когда-нибудь пригодятся. «Просто надо подумать, как они могут пригодиться», – говорил он. В самых обычных вещах могли скрываться такие ценности. Не он ли сделал ту роскошную люстру из двенадцати старых подков? И Эльсе соглашалась. Он был

таким красивым и совсем непохожим на других. Летом ему даже удалось продать пару таких люстр приезжим, так что появились деньги на новые подковы.

Талант Силаса к работе с деревом выходил за рамки столярного мастерства. Он знал, как ухаживать за деревьями еще до того, как они окажутся под рубанком. Он заботился о всех деревьях на Ховедег, как будто был их родным отцом. К счастью, сыновья унаследовали эту любовь к деревьям и знания о них: только Йенс любил лес всем сердцем, а Могенс – разумом. Когда рубили дерево, сердце Йенса разрывалось на части, а Могенс уже рассчитывал в уме его стоимость.

Конечно, Силас Хордер любил обоих сыновей. Но Йенса – чуть больше.

Мысль о том, чтобы расширить смешанный лес и посадить еловую рощу, была, пожалуй, самой осуществимой из тех, которые когда-либо приходили в голову Силасу. Или, по крайней мере, самой прибыльной. Теперь там были ели, которые к Рождеству могли купить жители острова и немногочисленные гости, проводившие праздник на своих виллах, и благодаря которым Хордеры могли себе позволить чуть больше вкусностей для праздничного стола. Но только в том случае, если Эльсе Хордер успевала положить вырученные деньги в кассу, пока Силас не потратил их на что-то бесполезное.

Всем елям хватало места, поскольку Ховедег был полностью в распоряжении Хордеров. Никому больше не хотелось жить на отшибе, даже тогда, когда деревья и кусты еще не разрослись так сильно, что заполонили все поля, где паслись животные. Зато на Ховедег с радостью приезжали все желающие починить что-либо или просто поболтать, хоть для этого и приходилось долго идти пешком или ехать по зарослям. На острове Силаса очень любили. Люди ценили его работу, а над его небольшими странностями просто потешались. Все, например, прекрасно знали, что он говорит со своими деревьями. Рождественские елки от Силаса стали так популярны в том числе потому, что покупатели просто обожали слушать, как он шепчет дереву «Пока!», прежде чем отдать его, а потом с печальным лицом стоит и потирает руки от холода, пока жена берет у покупателя деньги.

Силас точно был не таким, как все, но в его доброте никто не сомневался, а гробы, которые он делал, были настолько красивы, что быть похороненным в таком считалось за честь.

Никто, кроме Силаса Хордера и его младшего сына, не знал, что гробы проходили проверку, прежде чем использоваться по назначению. После того как гроб был готов, эти двое пробирались ночью в мастерскую. Пока Эльсе и Могенс спали, они ложились в готовый гроб: сначала – Силас, а на него – Йенс и, окутанные темнотой, вдыхали аромат свежеспиленного дерева.

В эти моменты Йенса охватывало чувство счастья и безопасности. Оно не покидало его даже спустя много лет, когда посиделки с отцом стали лишь детским воспоминанием. Темнота была его надежным другом. Ласковым объятием.

Они могли болтать о продавце велосипедов, или пекаре, или ком-то еще (не так важно, чем они занимались, прежде чем умереть и лечь в этот гроб). Силас знал почти всех с главного острова, а если кого-то не знал лично, то обязательно знал того, кто был с ним знаком. Он никогда не сплетничал. О мертвых он всегда говорил только хорошее. Например, что пекарь заботился о своих крысах, а почтальон так любил жену, что просто не мог не поделиться своей верностью с теми тремя женщинами с южной части острова.

Младшему сыну Силас рассказывал, что мэр Корстеда годами прятал вещи в своем саду, которые любой человек мог просто прийти и взять, но только тихонько, как мышка, и так, чтобы никто не заметил. И рассказывать об этом никому потом было нельзя, мэру в том числе. Это такая шуточная игра, в которую мэр играл с теми, кто знал про его секрет. И после его смерти жители острова продолжили играть в эту игру, но только тайно. Поэтому Йенсу ни в коем случае нельзя было рассказывать о ней Могенсу или кому-то еще. Особенно маме – ей такие игры не нравились.

Что было сказано в гробу – оставалось в гробу. Такой был уговор.

Но не все, что было положено в гроб, всегда оставалось там. В ночь, когда нужно было приготовить гроб для пекаря, Йенсу пришла в голову одна мысль. Прежде чем забраться к отцу, он начал рыться в ящике за токарным станком.

– Йенс, что ты делаешь? – послышалось со дна гроба.

– Я прихватил его скалку, – гордо прошептал Йенс, подойдя к отцу. – Думаешь, пекарь обрадуется, если мы положим ее к нему в гроб? Правда, ручка немного облезла.

С легким хлопком скалка ударилась о стенку гроба.

– Даже не знаю. Она ведь лежит у меня уже какое-то время и даже стала мне нравится. Думаешь, почему я ее не выбрасываю? Да и зачем выбрасывать отличную вещь, которую еще можно использовать. К тому же она будет для нас небольшим воспоминанием о старике. Нет, пусть она останется у нас. Да и там, куда отправится пекарь, скалка ему не пригодится.

– Ты имеешь в виду, в гробу? – сказал Йенс.

– Там, куда он отправится после гроба.

– После? А куда он отправится после гроба?

– Ну... Это зависит от того, был ли он хорошим человеком.

– В смысле, хорошим пекарем?

– Нет, речь не про это. Важно, был ли он добр к людям, пока был жив.

– Как-то раз он запустил в меня форсункой.

– Не врешь?

– Честное слово! Это потому, что я стоял у пекарни и держался за дверную раму. Ту самую, которую сделал ты для него весной.

– А форсунку ты с собой прихватил?

– Да.

– Молодчина, сынок.

– Так и куда же он отправится? Если учесть то, что он бросается в людей предметами.

– Не могу сказать, это решает природа. Но когда его тело в гробу начнет разлагаться, душа покинет его и превратится во что-то другое. В то, что он заслужил.

– Что же это может быть? Бабочка? Травинка? Телега? Толстая свинья?

Йенс легко мог представить пекаря свиньей.

– Да кто ж его знает.

– А может он стать пекарем снова?

– Не думаю.

– Но он ведь останется на острове?

– Наверяд ли.

Йенс много думал о словах, сказанных в гробу той ночью. Его успокаивала мысль о том, что после смерти все не заканчивается просто так. С другой стороны, ему не очень нравилось то, что нельзя узнать, во что же он превратится после смерти. Он бы хотел просто остаться Йенсом и жить дальше.

Например, он совершенно не хотел бы оказаться комаром. Тогда уж лучше стать муравьем – он хотя бы не кусает людей; или деревом, из которого потом можно было бы сделать красивый гроб. А в этом гробу потом можно лежать и болтать.

Он много думал о смерти, но об одном он предпочел был никогда не думать – о том, что умрет не только он. Когда-то умрут мама и Могенс. И папа. И не важно, в кого они превратятся после смерти, они уже не будут Могенсом, мамой и папой. От этой мысли у него несколько дней крутило живот. Он стал размышлять над тем, а не лучше ли умереть первым, чтобы не скучать по ним? Но тогда они будут скучать по нему и грустить. А если он станет деревом, или лошадью, или пугалом, то как они об этом узнают? Ничего не может быть хуже, чем стать

никому не известным пугалом, которое просто стоит и отпугивает птиц. А можно ли превратиться в скалку? А что, если она сломается?

Мысли крутились в его голове, и самый большой кошмар, который он себе вообразил, – это оказаться на свалке. Он как-то ездил на свалку с дедушкой на юг острова. Они отвезли туда кучу сломанных вещей, которые мама «больше не могла видеть». Когда они вернулись домой, Силас уже пришел из леса. Тогда в первый раз дети увидели его в таком бешенстве! Его лицо покраснело от ярости из-за того, что они увезли вещи без его разрешения. Мама потом целый день приводила его в чувства. Но через какое-то время они снова сидели вместе на лавочке, держась за руки, пока мальчики играли в мяч на площадке.

Вскоре дедушка умер. Могенс и Йенс сначала думали, что будут грустить, но потом поняли, что грустить было не из-за чего – он был старым человеком и просто перестал быть дедушкой, когда пришло время умереть. Они не очень хорошо его знали, потому что он жил в Сеннербю и редко приезжал в гости на Ховедет, а когда приезжал, мало чего рассказывал. Поэтому им не так уж сильно его не хватало. Тем не менее Йенс ничего не мог с собой поделать. Он все думал, кем дедушка надеялся стать после смерти. И стал ли.

Ночью, когда гроб для дедушки уже был готов, Йенс снова мог вдоволь поразмышлять. Он удобно устроился на мягком животе отца в его теплых объятиях. Время от времени его лоб покалывала борода Силаса, но, хоть она его и царапала, ему это нравилось. Они дышали в унисон.

– А кем станет дедушка, как думаешь?

– Он был хорошим человеком. Мне кажется, кем-то хорошим.

– Не комаром?

– Нет, точно не комаром.

– Деревом?

– Да, скорее деревом. Большой пушистой сосной.

– Тогда нам нужно будет следить за тем, чтобы нечаянно не срубить его.

По движению бороды Йенс понял, что отец улыбнулся.

– Дерево можно срубить, если ценишь жизнь, которую оно прожило. Что же до твоего деда, то он не всегда принимал правильные решения, но был хорошим и добрым человеком, который бы и мухи не обидел. Таким мы его и запомним.

Пару раз Йенс ездил в гости к деду в Сеннербю, но он и понятия не имел, что у того были кошки. Только небольшая собака, которая повсюду ходила с ним и умела притворяться мертвой по команде. И все было хорошо до того момента, пока она действительно не умерла. Ее называли самой послушной собакой на острове, тогда дед Йенса вовсе перестал разговаривать. А теперь и он умер.

– Он бы и собаку нарочно не обидел? – спросил Йенс.

– Какой же ты добрый мальчик, Йенс. Нет, дедушка не хотел никого обижать. А тебе теперь достанется его кепка. Можешь ее носить, хоть она и немного велика. Она будет напоминать тебе о дедушке, правда?

Йенс кивнул в темноте.

– А я тоже потом буду для кого-то папой? – вдруг спросил он.

– Думаю, да.

– Если у меня родится сын, то я назову его Карлом.

– Карлом? Почему именно это имя?

– Тот поэт, с которым я говорил на барахолке, сказал, что его зовут Карл и ему больше ста лет. Он надеется дожить до двухсот.

– Что, прямо так и сказал? – спросил Силас и закашлял.

– Да. Я посчитал морщины на его лице – он не врет. Их у него очень много.

– Что ж, я обязательно посчитаю, когда увижу его в следующий раз. Если будет время.

– А если родится дочь, назову ее Лив, как ту новорожденную малышку, которую мы видели вчера.

– Красивое имя, – улыбнулся Силас.

– Очень.

Они лежали, вдыхая манящий аромат леса, проникающий через щель в окне. С этим звуком проник запах сосны и болотной сырости, смешавшийся с ароматом древесины гроба.

Потом Силас Хордер зашевелился.

– Ну что, можно сказать, что гроб для дедушки готов. Пойдем-ка спать. Смотри не разбуди брата, когда зайдешь.

– Я еще ни разу его не разбудил.

– И то верно. Могенс всегда спит как убитый.

Той ночью Йенсу не спалось. Он думал. Может быть, убитые были не убиты, а просто спали, потому что слишком устали и ни на что другое у них не было сил?

«Похороны прошли превосходно», – сказала Эльсе Хордер, вернувшись из церкви Корстеда. Могенс и Йенс остались дома с отцом. Силасу нравились гробы, а вот похороны он терпеть не мог. Да и мальчиков вести туда ему не хотелось. Иногда они ходили в школу, но прежде всего надо было помогать ему в мастерской, а потом – в лесу и с животными. Дел было предостаточно. Кроме того, Силас не доверял тому, чему учат в школе. Иногда он вообще не понимал, о чем там бормочет Могенс. Что еще за квадратные корни?

Зато он гордился тем, как умело мальчики справлялись в столярной мастерской. Особенно Могенс.

А у Йенса была одна особенность, которую Силас не мог выразить словами, но так любил. Посвящение в работу с гробами произошло случайно. Силас просто решил дать парнишке возможность испытать радость от работы с деревом, которой он позже займется и будет владеть в совершенстве. Научить его замечать линии, пропорции, запахи. Рассказать, что дерево все еще живет и работает на благо почившего. Школьные учителя такое вряд ли рассказывают!

Он и не думал, что их занятия потом примут такой оборот, но эти тайные беседы в гробу, во время которых он мог прислушаться к мыслям младшего сына и ответить на его вопросы, придали его жизни тот смысл, которого она раньше была лишена.

Силаса не очень интересовало, что об этом подумают другие. Он даже не думал о том, что, вероятно, кому-то это покажется немного странным. Для него важным было только одно – чтобы их тайное место встреч просуществовало как можно дольше.

Йенс вел себя очень осторожно, чтобы вдруг не проболтаться старшему брату о том, что он узнавал в гробу. Но один вопрос все не давал ему покоя.

– Могенс, кем бы ты хотел стать?

– Когда вырасту? Изобретателем. Да, точно, изобретателем!

– Ну, а когда ты умрешь? Тогда кем?

Могенс уставился на него.

– Вообще-то я не собираюсь умирать. Я изобрету средство, которое сделает меня бессмертным, и заработаю на нем кучу денег, на которые буду жить. Только не говори никому. Тебя я тоже сделаю бессмертным.

Теперь у Йенса стало на один секрет больше.

* * *

Одним осенним вечером Йенс и Могенс лежали в комнате и слушали шум ветра, стучавшего по черепице и сносившего все на своем пути. Это был долгий и сильный северный ветер, быстро переросший в яростный шторм. Дверь сарая скрипела и дергалась на петлях, а от внезапного порыва ветра сарай с грохотом разразился ржанием, писком и мычанием. Вскоре после

этого они услышали, как хлопнула дверь и отец крикнул на животных. Звуков становилось больше. Что-то упало с крыши. Флюгер? Что-то прокатилось по гравию и ударилось о другой предмет. Могенс предположил, что это была одна из бочек. Он пытался успокоить Йенса и говорил, что было бы гораздо хуже, будь то ветер с юга или запада. А если ветер с севера, как сейчас, то все самое худшее забирает лес. К тому же деревья стояли далеко и не могли при падении коснуться их дома, так что Йенсу нечего бояться.

Но Йенса это не успокоило. Наоборот – его разозлила мысль о бедняжках-деревьях, которые ценой своей жизни старались защитить их дом. Громкий дрожащий звук, за которым последовал глухой хлопок из глубины леса, заставил Йенса сжаться от страха. Он прижался к Могенсу, который заботливо обнял младшего брата обеими руками и все мечтал о том, что однажды изобретет эффективное устройство защиты от южного ветра и расширит мастерскую с западной стороны.

На следующее утро они ходили вокруг дома и пристроек и вместе с отцом изучали масштаб нанесенного ветром ущерба. Со зданиями ничего серьезного не произошло, только вещи были разбросаны по всему двору, и их долго пришлось собирать и раскладывать на свои места. Животные тоже уже давно успокоились, поэтому просто стояли в сарае и жевали свой обед.

Потом Силас и мальчики отправились в лес – посмотреть, что там оставил после себя ночной шторм. Сначала они прошли мимо полосы с рождественскими елями, которые, на удивление, отлично справились с ветром, потом зашли в смешанный лес, где, словно павшие солдаты, окутанные туманом, лежали одинокие сосны. Некоторые из них вырвали вместе с собой кусок земли, так что теперь он был похож на толстый земляной щит с корнями, возникший из трещин в почве. Йенс осторожно подошел к щиту и заглянул в открывшийся ему подземный мир: корни – толстые и тонкие, длинные и короткие – торчали из него, словно щупальца; одни были дерзко оборваны, другие тянули к нему свои тонкие, иссохшие концы. Самые прочные корни снизу из последних сил хватались за землю, а мох сверху был похож на водопад, который вдруг остановился на полпути и застыл в воздухе.

Йенса занимал не только привычный порядок леса с его тихой гармонией, но и этот неизведанный хаос, который поглощал мальчика доводящим до мурашек страхом.

Вдруг Йенс почувствовал, как ему на плечи опустились знакомые ласковые руки.

«Пусть лежит, – шепнул ему Силас. – Похоже, сюда приходит лиса и роет себе яму. Это дерево было уже очень старым. Кажется, она хотела тут умереть».

Йенс кивнул. Могенс измерил дерево.

Мальчики шли за папой по узкой лесной тропинке, спрятавшейся среди елей и сосен, дубов, берез и осин, и каждый раз, когда Силас нагибался, чтобы пройти под ветвями, Йенс тоже нагибался, хоть и был ниже ростом. Его они станут задевать еще только через пару лет. Когда они проходили мимо высоких елей и шли дальше на север, у Йенса захватывало дух. Мальчикам было строго-настрого запрещено ходить дальше высоких елей, когда они гуляли в лесу одни, и Йенс никогда не осмеливался нарушить запрет. Он испуганно, но замороженно смотрел на согнутые сосны, которые сменяли ели. Ему казалось, будто они протягивают к нему свои ветви, и он не мог понять, хотят они его обнять или задушить. Силас, разумеется, чувствовал беспокойство младшего сына. На мгновение он остановился и положил руку на длинную крючковатую ветку, которая так сильно хотела поздороваться, что перегородила им дорогу.

– Посмотри-ка, Йенс! Это дерево-тролль. Это доброе дерево, которое просто хочет сказать тебе: «Привет!»

Йенс радостно кивал, протягивая в ответ свою руку крючковатой ветке и вежливо здороваясь со стволом.

Тропинка начала извиваться, и вскоре между деревьями стало гораздо больше места. Белый туман, который лежал над лесом весь день, постепенно потянулся на юг. Тогда он совсем

покинул деревья-тролли и передал эстафету дневному солнцу, которое освещало лес, открывая все буйство жизни: блестящих жуков, сражающихся на тропинках, насекомых, танцующих в воздухе между стволов, непрекращающееся шуршание землероек в траве. Будто пытаясь догнать туман, мимо пробежал кролик, а в дрожащей паутине серебряных нитей к своей добыче торопился паук, не чувствуя ни малейшей тяжести креста на своей спине.

Когда они прошли мимо елей и вышли на открытый участок, отделявший лес от моря, Йенс задержал дыхание. Луг. Таинственный, огромный луг, про который он знал только от отца, по рассказам старшего брата и из своих собственных снов.

– Посмотри, как чудесно цветет вереск, – сказал Силас. – А какой аромат!

Было слышно, как он делает вдох носом. Смотря на раскинувшийся перед ними сиреневый ковер, Йенс сделал то же самое. Пленительный аромат... Соленый и свежий запах моря, приправленный ароматом вереска и свежескошенной травы. Йенс подумал, что вот оно, самое спокойное место во вселенной. Здесь бы он лежал и болтал с отцом втайне ото всех.

– Смотри, а это... «укус дьявола».

Силас показал на круглые синие цветы, неустойчиво висевшие на тонких стебельках вереска и травы.

– «Укус дьявола»?

Йенс слышал только о «дьявольщине». Жена священника говорила, что эта самая дьявольщина царит дома у почтальона. И, судя по ее голосу, это было что-то не очень приятное. Йенс надеялся, что ее скоро доставят им домой с почтой и он наконец-то увидит, что это такое.

– А летом я покажу вам другие цветы, которые здесь растут. Есть, например, цветок, который называют «бабкины зубы»...

Это другое дело. По словам Могенса, старушек на острове было предостаточно, но Йенс не совсем понимал, как обычная женщина становится бабкой. Может, все дело в зубах?

– А еще тут растет «постельная солома Девы Марии»...

Йенс с удивлением посмотрел на отца.

– Она что, прямо тут спит?

Об этой Марии Йенс слышал в школе и знал, что у нее были осел и муж-плотник. И хоть он больше ничего о ней не запомнил, она ему нравилась.

Силас улыбнулся.

– Точно не могу сказать, но даже если бы она решила прилечь прямо здесь, то точно улеглась бы поудобнее.

Он подмигнул Йенсу, но тот решил, что отцу соринка попала в глаз.

Могенс их не слушал. Он хотел скорее спуститься к морю, поэтому нетерпеливо переминался с ноги на ногу, а когда отец попросил их отпугнуть гадюк, затаившихся в вереске, то Могенс стал топтать изо всех сил. Йенс стоял между папой и братом. Гадюки и комары были единственными животными, которых он терпеть не мог.

– Йенс, пойдем уже! – закричал Могенс и побежал на берег, туда, где была видна последняя очерченная водой линия на песке. Он сел на колени в своих коротких штанах и застыл в ожидании. Через пару секунд вода снова подступила к берегу: она нежно сочилась под руками, коленями и шнурками ботинок, так что он запустил руки в воду чуть дальше и промок еще больше, чем рассчитывал. Мальчик радостно захохотал.

Йенс все еще стоял в траве, которая, словно крошечные иголки, колола его ноги через гольфы. Но он этого практически не замечал. Он стоял и смотрел на старшего брата и море.

Выступая на берег, волны были похожи на тонкий, гладкий язык. Только он не пытался ничего проглотить, а аккуратно облизывал колено Могенса, словно ласковая кошка. «Это доброе море», – подумал Йенс. Почему-то раньше море казалось ему злым. А сейчас он вдруг перестал бояться всего того, что было на севере.

Он часто смотрел на море: сидя в грузовике отца, пока они тряслись по гравию на пути к острову, он разглядывал это синее полотно, опоясывающее Хальсен. А когда они вместе развозили жителям отремонтированную мебель, Йенс видел море между холмов на пути к Корстеду. Море для Йенса всегда было окаймляющим горизонт цветом и далеким звуком. Он никогда не прикасался к нему. Никогда, сняв ботинки и гольфы, не заходил в него; не чувствовал, как волны нежно щекочут щиколотки и убегают, оставляя след на песке под его ногами. Он еще ни разу не наклонялся и не ощущал бурлящий ручеек между пальцами – холодный, нежный, неуловимый.

Никогда. До этого момента.

Пока мальчики играли на берегу, они заметили, как отец ходит и внимательно изучает круг из палок и камешков, образовавших неровное сплетение на волнистом берегу, где песок с водой то и дело обменивались любезностями. Силас держал руки за спиной и, немного нагнувшись вперед, подходил ближе. Иногда он останавливался и начинал искать что-то между камнями, а потом так же медленно шел дальше.

«Может, он ищет золото?» – прошептал Могенс.

«Может, он ищет дедушку?» – подумал Йенс.

Силас искал янтарь и нашел даже больше. Мальчики с любопытством посмотрели на желто-коричневый сгусток, который он им показал. Силас объяснил, как определить, что это янтарь, а не просто камень, и позволил попробовать его на прочность зубами.

– Он много стоит? Как золото? – спросил Могенс.

– Большие куски янтаря могут много стоить, из него делают украшения. Но янтарь не такой дорогой, как золото.

– А что это такое? Откуда он берется? – спросил Йенс.

Силас улыбнулся.

– Я потом покажу вам еще кое-что, а пока смотрите.

Из кармана он вытащил еще один золотистый сгусток, только размером он был чуть больше.

– В каком-то смысле этот сгусток даже дороже золота – смотрите, что там внутри.

– Похоже на... муравья? – тихо сказал Йенс.

– Это и есть муравей. Необыкновенно в нем то, что этот муравей – очень-очень старый. Иногда находят янтарь с животными, которым несколько миллионов лет.

– С большими тоже?

– Нет, в основном с маленькими. Но подумайте только, янтарь может сохранить их. Не чудо ли это?

Мальчики одновременно кивнули, не отрывая глаз от муравья. Вдруг Йенс посмотрел на отца и спросил:

– А людей? Небольших... детей, например? Древних детей находили в таких янтарных комках?

Силас покачал головой, не обратив внимания на хихиканье Могенса.

– Нет, о таком я не слышал.

Он почесал бороду. Так он делал всегда, когда ему в голову приходила интересная мысль.

– Хотя...

Могенс замер.

– Давным-давно... – начал было Силас. – Нет, пойдете-ка. Лучше я сам вам покажу.

Силас молча шел через заросли вереска и леса, мальчики шли за ним. Похолодало, но на западной стороне солнце еще светило, и его длинные лучи протискивались между высоких елей.

– Нам нужно найти раненое дерево, – наконец сказал он и сошел с тропинки в сосновую рощу. – Попробуйте найти дерево с трещиной в коре.

Через пару секунд Могенс уже нашел нужное дерево.

– ТУТ! – закричал он так громко, будто нашел золото.

Могенс нашел идеальное дерево – Силас Хордер прекрасно знал, что на том месте стояла сосна среднего роста с трещиной в коре. Он знал все свои деревья.

– Отлично. Посмотрите на нее. Видите золотистые слезы? Это сок, который течет внутри дерева. Когда кора повреждается, сок вытекает из раны и густеет. Он помогает залечить кору и отгоняет животных, способных навредить дереву. Потрогайте, он липкий... и понюхайте пальцы.

– Мерзко пахнет, – сказал Могенс.

– А по-моему, пахнет вкусно, – сказал Йенс.

– Пахнет просто изумительно, – поправил Силас и достал янтарный сгусток с муравьем из кармана. – То, что вы видите на дереве, – это смола. А этот сгусток янтаря – очень старая смола старого-престарого дерева.

– В котором застрял старый-престарый муравей?

– Именно.

– Ну, а что насчет детей? – спросил Йенс, который еще не успел забыть начатое отцом предложение.

– Ах да, я просто вспомнил, что древние египтяне – они жили много тысяч лет назад – использовали смолу для бальзамирования умерших.

Мальчики посмотрели на него в недоумении.

– Понимаете ли, египтяне считали, что душа продолжает жить в мертвом теле, если его обработать так, чтобы оно не разлагалось. И для этого они использовали смолу.

– Не разлагалось означает не гнило? – Йенс вспомнил, как с любопытством рассматривал тело мертвого лисенка, лежавшего на южной окраине Хальсена. Оно со временем стало очень темным и плоским. И полным мух.

– Да, но как им удавалось этого не допустить? – спросил Могенс. – Что именно они делали?

– Что ж, поговорим о технологии, – засмеялся Силас. – Ну так вот... они избавляли тело от внутренних органов: легких, печени, кишок и всего остального. Вы же видели, как я потрошу животных?

Мальчики кивнули.

– Они вынимали все, кроме сердца. Потом они тщательно очищали тело. Потом осушали его, положив в соляную ванну. Соль впитывает всю влагу, и после такой процедуры в теле не оставалось ни капли жидкости. Именно из-за влаги тело начинает гнить. После этого они смазывали тело жидкой смолой и разными маслами, а потом – обматывали бинтами. Лицо и зубы в том числе.

Силас не мог перестать радоваться тому, что такому детей едва ли научат в школе.

– Бинтами? – переспросил Йенс. Ему понравилось это слово.

– Да, такие ленты из плотной ткани... Ими я заматывал твою руку, когда ты поранился. Кроме этого они рисовали портрет умершего и прикрепляли его на том месте, где ткань скрывала лицо.

– А что они делали с ним потом? – спросил Могенс. Он сосредоточенно морщил лоб и пытался выяснить все детали процесса.

– Потом они укладывали умершего в гроб. Гроб ставили в сухое место, чтобы тело сохранилось. И это работало! Ученые не раз находили забальзамированные тела, которым было уже несколько тысяч лет.

– И детей тоже?

– Да, я уверен, что детей тоже бальзамировали.

Могенс посмотрел на капли смолы, бегущие по дереву.

– А как им удавалось получить много смолы? – спросил он и почесал свой гладкий подбородок. Бороды у него пока не было.

– Смолу можно определенным образом слить из дерева. Тогда и получишь много. Может, я как-нибудь покажу вам. А сейчас пора домой! Мама уже наверняка приготовила ужин.

«Что он там вам наговорил?»

Йенс почти никогда не видел маму с такими большими и злыми глазами, как после своего рассказа об этой прогулке. Отец с Могенсом были в сарае с животными, а он помогал накрывать на стол. Маме не очень понравился рассказ о мертвых детях в смоле.

С тех пор Йенс очень внимательно следил за тем, чтобы сказанное в лесу оставалось в лесу.

Сраженный

Дела шли хорошо, пока не случилась беда. Младший сын обнаружил Силаса Хордера мертвым: он тащил отца через заросли вереска и лес и, дотащив до своего двора, бросил его на гравий под палящим солнцем.

Там же рядом с отцом упал и сам Йенс.

Никто не понимал, откуда у мальчишки взялось столько сил, чтобы дотащить отца. Хоть ему уже исполнилось тринадцать, он был худощавый, и уж точно он не был крупнее и сильнее своего семнадцатилетнего брата.

Несмотря на усталость, Йенс не хотел отходить от трупа. Он судорожно вцепился в рубашку отца и кричал, когда кто-то подходил ближе. Лишь спустя пару часов старшему брату удалось поднять его и занести в дом. Тогда Йенс уже спал как убитый.

Говорили, что в столяра Хордера попала молния – на его ногах и спине были ожоги. Изящное ажурное плетение, словно из-под кисти художника. Тем утром действительно была короткая гроза, но когда об этом вспомнили, слухи по острову уже разлетелись.

Через пару дней Силаса похоронили в фабричном гробу на корстедском кладбище. На похороны пришли несколько немногословных жителей острова, безутешная вдова и старший сын.

Младший на похороны не явился.

После похорон отца Йенс стал очень тихим. Когда прогуливал школу – а делал это он теперь частенько, – он болтался по острову и тайно исследовал чужие пристройки и склады. Больше всего ему нравилось одному рано утром, пока не взошло солнце, бывать в мастерской или в лесу. В какой-то момент он совсем перестал появляться в школе, но Эльсе Хордер даже была этому рада. Дела в мастерской у Йенса шли хорошо, он заботился о животных и ухаживал за деревьями – а это было для нее важнее всего.

После смерти отца управлять мастерской стал старший брат. Заказы продолжали поступать, потому что люди прекрасно знали, что от отца мальчишки унаследовали не только его мастерскую, но и его талант.

Сильной потребности в столяре уже не было, ведь можно было купить новую вещь. Люди просто пытались поддержать семью Хордеров. В том числе поэтому никто словно не замечал, что Могенс начал ездить на грузовике, хотя прав у него не было. Но водил он хорошо. Так что, когда Йенс скатился на грузовике по главной улице Корстеда с парой отремонтированных окон, никто и глазом не повел.

Так пролетали годы.

Младший сын всегда напоминал Эльсе мужа, и чем старше становился Йенс, тем больше он был похож на отца. Форма рта была точь-в-точь как у Силаса: печальная линия с приподнятыми в полуулыбке уголками губ (как у любимого плюшевого мишки, который счастлив, когда с ним играют, и печалится, когда он не может кого-то порадовать). И взгляд у Йенса был отцовский: теплые, почти угольно-черные глаза с таким же мечтательным разрезом.

Вот только Йенс был куда более скрытный, чем Силас. Его отстраненность и вечное молчание напоминали побег и беспокоили Эльсе. Как бы ей хотелось, чтобы сын пустил ее в свой мир, доверил ей все самое сокровенное так, как доверял отцу. Дал понять, что доверяет ей. В то же время она странным образом боялась того, что может обнаружить. В этой тьме. Внутри него как будто бы что-то сломалось, и она не была уверена, что это можно было починить.

На Могенса смерть отца повлияла не так сильно. Он достаточно быстро решил перестать скорбеть и тосковать по нему и просто жил дальше. Могенс был совершенно другим, более рациональным. Он не довольствовался лишь мечтами. Если ему приходила в голову идея – ее нужно было воплотить в жизнь. Еще у него было чувство порядка, чего не было у Йенса.

Поэтому в мастерской у Могенса все предметы были на своих местах, у Йенса – летали туда-сюда.

Эльсе Хордер не переставала удивляться, какими разными выросли ее сыновья. Даже когда Могенс был совсем маленьким, Эльсе замечала, как его тянет достигать, расти, расширять границы и устранять преграды. Он прыгал и бегал, любил свет, постоянно был в движении и мечтал о приключениях.

Йенс и не прыгал, и не устранял преграды. Он просто хотел, чтобы его оставили в покое, а лучше – одного. Когда он работал в мастерской, то становился с вещью единым целым – его так поглощал процесс, что он не обращал внимания на время; он продолжал работать даже после захода солнца.

Как-то вечером Эльсе нашла его спящим на груде стружки под токарным станком. Он так невинно лежал там в полной темноте и сопел. Тогда она подумала, что ее младший сын был добрейшим человеком в мире.

После смерти Силаса главным образом трудолюбие и предприимчивость Могенса вселяли в Эльсе уверенность в том, что они справятся. Поэтому когда он стал отдаляться от Ховедет, она забеспокоилась. Практически каждый день он находил разные, непонятные ей, оправдания, чтобы уезжать на главный остров. Как правило, ездил он с пустым грузовиком. Она стала ругать его, но от этого он только больше упрявился и отдалялся еще сильнее.

Как-то раз она застала его на полпути к машине, когда он снова собирался уехать. Йенс слышал их разговор из мастерской, склонившись над комодом, к которому нужно было прикрутить новые ножи.

С улицы послышался удар. Мать резко распахнула окно.

– Могенс! Ты снова уезжаешь? Без вещей на продажу? Лучше бы помог брату в мастерской! И что тебя так тянет туда? Девушка? Почему ты перестал помогать? Йенс говорит, надо было срубить несколько елей сегодня. Не одному же ему это делать? Снова!

Все это Йенс уже слышал. Просто слова. Но в этот раз звучали они иначе. Дойдя до машины, Могенс остановился. Потом повернулся.

Йенс поднял голову и прислушался.

– Могенс! – кричала мать. – Немедленно вернись, кому сказано! Что ты там о себе возмнил? Чем ты там занимаешься? Зачем тебе велосипед?..

– Я ЗДЕСЬ ЗАДЫХАЮСЬ!

Послышались два коротких прыжка, затем – дребезжащий звук велосипеда, со всей силы втопанного в гравий. Звук становился все дальше и вскоре полностью растворился в песне жаворонка. Когда Йенс выглянул во двор, там уже не было ничего, кроме одинокого пустого грузовика под палящим полуденным солнцем.

Через несколько месяцев Могенс прислал письмо. С деньгами. И буквой «М» на конверте. Через месяц – еще одно, и так продолжалось каждый месяц. Эльсе Хордер исправно платила по счетам. Йенс молчал. Никто не задавал вопросов. Даже почтальон, который иногда размышлял о вдове, ее младшем сыне и этих письмах от некоего «М».

* * *

У Эльсе Хордер начались проблемы со здоровьем. У нее были сильные боли. «В области прямой кишки», как говорил врач. Иногда у нее случались кровотечения, и ей приходилось носить специальный аппарат под одеждой, чем она, конечно, не гордилась. Ей становилось все сложнее выполнять дела по дому – то, что она любила и чем всю жизнь гордилась. От переживаний боли только усиливались.

Бывали дни, когда она совсем не выходила из постели.

Стало очевидно, что одной ей уже не справиться, и Эльсе взяла в помощницы молодую девушку. Поскольку Йенс занимался ремонтом, на это были средства. Девушка могла поселиться в комнате, которую за мастерской обустроил себе Могенс. У нее даже был отдельный вход со двора. Ее называли «белой комнатой», потому что Могенс настоял на том, что она должна быть светлой.

Эльсе не сомневалась в том, что коричневые конверты от «М» не перестанут приходить каждый месяц. Их приносили регулярно, и она очень это ценила. Но думать о том, должна ли она благодарить за это старшего сына, у нее не было сил.

Новая помощница была хорошенькой – молодая девушка с материка. Она единственная отозвалась на это место, потому что все остальные девушки с острова мечтали уехать на материк и найти там работу. Многие из них к тому же одевались так, что Эльсе хваталась за голову. Больше всего ей не нравилось, что они не носят под блузкой бюстгальтер. Сама Эльсе не считала себя старомодной. Да, она носила одни и те же брюки. Но ходить без бюстгальтера – это переходило всякие границы. Ведь есть же какие-то границы разврата!

Поэтому Мария Свендсен в скромном бюстгальтере и красивых брюках была для Хордеров подарком судьбы.

Чтобы волосы не мешали во время работы, она убирала их в пучок – у нее были длинные светлые локоны, которые кроткими нежными волнами спускались по лицу и шее. В первый раз Йенс увидел ее, случайно заглянув в окно белой комнаты. Он тут же отвел взгляд, но то, как Мария улыбнулась ему сквозь стекло, забыть он уже не мог.

Как-то раз она зашла к нему в мастерскую. Они болтали о погоде и мебели. Она старалась не говорить о его матери, хотя Йенс и сам понимал, что с Эльсе ужиться нелегко.

Сначала они практически не разговаривали: Мария была тихой от природы, а Йенс стал немногословным с годами. И все же, несмотря на эту черту, присущую им обоим, Мария нашла в себе смелость говорить больше обычного. Она стала рассказывать ему о своих обязанностях по дому, о том, что ей еще нужно успеть сделать, а Йенс с интересом и благодарностью вслушивался в каждую деталь.

Вскоре их рассказы вышли за границы Ховедег, да и за границы острова тоже. Мария рассказывала о своем детстве на материке, о своих трудягах-родителях. О школе, в которой ей не нравилось, потому что все там были просто отвратительные. А вот читать и писать она любила больше всего на свете.

Она рассказывала о прочитанных ею книгах, и о тех, которые хочет прочитать. Рассказывала о том, как переписывала страницы просто потому, что любила писать, и как решила придумать продолжение к переписанным страницам, потому что любила сочинять. О том, как она записывала свои мысли, чтобы освободиться от них. И как она прижимала нос к страницам, чтобы вдохнуть их запах.

А когда она сказала, что уткнулась носом в бумагу, Йенс оживился и спросил: «А ты знала, что бумагу делают из дерева?»

С каждым днем Йенс все больше очаровывался Марией. С ней ему было легко, как ни с кем другим. Может, оттого, что он встречал не так много людей с материка. «Может, с ними всеми легче», – думал он.

Йенс любил слушать ее звонкий голос, который говорил ему так мало, но вместе с тем – так много. Но если уж она говорила, то давалось ей это с невероятной легкостью. Она делала вдох, такой спокойный и глубокий, что можно было подумать, будто она делает его осознанно. И хотя он не решался взглянуть на нее прямо, он все же замечал, как при каждом вдохе поднимается под блузкой ее грудь, он слушал, дышал с ней в такт и вспоминал о море; о том, как северные волны бились о берег в тот день, когда они с братом и отцом приходили туда. Тихий вдох, тихое шипение волны и снова вдох. Успокаивающая бесконечность.

Именно так он слышал дыхание Марии и, слушая его, забывал дышать сам.

А какая красивая у нее улыбка.

Улыбка Марии пряталась в уголках ее губ и как будто была там всегда. Йенс был уверен, что Мария немного улыбалась, даже когда плакала.

В ее нежности Йенс чувствовал силу, в осторожности – нерушимое спокойствие, в невероятном трудолюбии – мягкость. Он наблюдал за тем, как она носит тазы, одежду, постельное белье, дрова, кастрюли, мешки, даже не останавливаясь, чтобы вытереть пот со лба. Он замечал, что она обращается с животными так уверенно, как будто делала это всегда. Без страха и колебаний, сильными, нежными руками и уверенным голосом. Животные любили Марию.

Как же Йенс их понимал.

В сентябре Йенс показал ей лес. Когда в его волосах застряла смола, Мария засмеялась. В марте он показал ей море, и она хохотала, когда он намочил ноги. В июне он показал ей луг, и она поцеловала его в зарослях *«постельной соломы Девы Марии»*.

Дорогая Лив,

В моей жизни были решения, которые мне не стоило принимать. Быть может, мне не стоило встречать твоего отца. Быть может, если бы я осталась на материке, все было бы тогда гораздо проще. Я бы вышла замуж за кузена отца, которого он мне сватал. Отец говорил, что это помогло бы бизнесу – у него был книжный магазин.

Но я была такой юной. Слишком юной. А у кузена был мерзкий, злобный взгляд и огромные руки, несмотря на то, что этими руками он только записывал числа и выписывал счета. Я боялась этих огромных рук и его самого, хоть отец и говорил мне, что кузен – хорошая партия для меня. Не потому ли он был хорошей партией, что поддерживал малый бизнес, особенно если бизнес принадлежал родственникам.

Да, может, он и был хорошей партией для стеснительной дочки хозяина книжной лавки. Извращенный и заиклившийся на бизнесе мужчина, который после смерти своего больного отца должен был унаследовать завод по производству контейнеров для яиц. Мне кажется, что его руки с легкостью давили эти яйца, едва он к ним прикасался. Я чувствовала себя такой же хрупкой, как свежее яйцо в новой упаковке. Ты не поверишь, но тогда я была стройной, прямо как ты сейчас.

Отец говорил мне, что, разумеется, не нужно делать того, чего я не хочу. Но в его глазах я читала, что отрицательного ответа он не потерпит. А глаза матери говорили мне, что она не сможет смотреть на меня в руках этого человека. Она меня понимала.

Какой бы выбор я ни сделала, он бы расстроил одного из них. Я решила пожалеть маму. Во всяком случае, я попыталась это сделать. Через год после моего отъезда я узнала, что она умерла от пневмонии. По крайней мере, я не разбила ей сердце.

Позже я прочитала, что завод по производству контейнеров для яиц обанкротился, а вот книжная лавка все еще работает. Как-то мне удалось позвонить туда с телефона знакомых. Я промолчала, когда отец поднял трубку. Его голос был постаревшим. Он ответил: «Книжная лавка Свендсена».

Я рада, что книги все же одержали победу над контейнерами для яиц.

Я часто переезжала и работала продавицей, но эта работа была мне не по душе. Однажды кто-то сказал мне, что можно поискать работу на острове. А на паромной переправе я узнала, что Эльсе Хордер и ее сын Йенс, которые живут на Ховедет, ищут помощницу.

Так я здесь и оказалась. С твоими отцом и бабушкой.

И уж поверь мне, Лив, что твой отец был самым прекрасным мужчиной из всех, кого я когда-либо встречала. Он был таким ласковым – с мягкими, нежными руками и темными-пре темными глазами. В нем не было ничего злого или пугающего, совершенно ничего!

Рядом с ним я чувствовала себя в безопасности и ни на секунду не сомневалась, что хочу быть только здесь, рядом с ним.

Не знаю, стоит ли рассказывать тебе это, ведь ты еще совсем ребенок. Но я так хочу рассказать об этом кому-то. Хочу поделиться с тобой.

В первый раз мы с твоим отцом занимались любовью на лугу в море желтых цветов. Мы оба так боялись гадюк, но все равно бесстрашно легли там. Представляешь? Я помню, что он рассказывал мне о бабочках. И о жаворонке. О пчелах. О цветах... было очень важно лечь именно среди желтых цветов, потому что эту постель для нас постелила природа. Это он так говорил. Это был единственный раз, когда я слышала, как он заикается. И единственный раз, когда его руки тряслись. Не потому, что он боялся змей. Он боялся из-за того, что вот-вот должно было случиться между нами. Меня тоже трясло.

Я до сих пор помню, как осторожно его губы коснулись моих. Он парил надо мной как бабочка, и я ощущала себя такой изящной и хрупкой, словно раскрывающийся цветок. Я и сейчас иногда ощущаю себя так внутри – изящной и хрупкой.

Когда все началось, мы с ним еще ничего об этом не знали, но все сразу все поняли. Когда-то и ты встретишь мужчину, полюбишь его, и, я надеюсь, он будет так же парить над тобой.

Нет, я не сожалею о том, что встретила твоего отца. Я искренне влюбилась в него и все еще люблю. В каком-то смысле моя любовь к нему уравнивает все остальное. Даже то, что я теперь лежу здесь, такая большая и тяжелая. И то, что произошло с твоей бабушкой Эльсе. И с Карлом. И весь этот хлам. Эту грязь, которую я оставляю, словно ничего не вижу. Все то, с чем случилась беда. В том числе – с тобой.

Не знаю, как это все закончится. Я ведь знаю только то, что ты мне рассказываешь, и чувствую, что рассказываешь ты не все. Что все не так, как должно быть. Что за пределами этой спальни творится то, о чем мне лучше не знать. Все должно было быть иначе. И все-таки я не в состоянии сожалеть о любви к нему. Может быть, это не он болен. Может, больна я. А может, я больна потому, что ни о чем не сожалею.

Иногда я представляю, что твой отец – словно бабочка. Только он потерялся во времени и все больше забирается в кокон.

Наверное, я такая же, как он.

Целую, мама.

Счастье

В начале Эльсе Хордер и ее юная помощница понравились друг другу. Госпожа Хордер радушно встретила Марию чаем и домашней выпечкой и дала понять, что они с легкостью наладят быт и быстро привыкнут друг к другу. Мария не сомневалась, что так оно и будет. Она переехала в белую комнату на Ховедет с мыслью о том, что так ей еще никогда не везло.

Комната была простая, но симпатичная, с деревянными стенами, окрашенными в белый цвет, и яркими занавесками. Мария была довольна, что на стенах не было плакатов, как в крохотном чулане, где она жила до этого, пока работала в городской пекарне. Ей хватило и пары дней, чтобы вдоволь насмотреться на длинноволосых мужчин с плакатов, чего уж говорить о странном запахе, не покидавшем чулан. Этот запах не был похож на аромат выпечки в пекарне или запах новых книг из магазина отца, который она помнила с детства. Ей не нравились ни длинноволосые мужчины, ни электронная музыка, может, поэтому жизнь на острове казалась ей такой привлекательной.

Здесь же на письменном столе стояли осенние цветы, а постельное белье так приятно пахло свежестью и хвоей, что она сладко уснула в первый же рабочий день.

Мебель Марии тоже очень нравилась. Эльсе Хордер рассказала ей, что всю эту мебель смастерил ей муж, столяр. Мария была в восторге. Было видно, с какой точностью он измерял, строгал и оттачивал каждую деталь. А как плавно выехал ящик в письменном столе, когда она осторожно открыла его! Ящик был пустой, и Мария сразу сложила в него свои тетради и блокноты, не успев распаковать чемоданы. В комнате не хватало только стеллажа для ее книг – их она аккуратно составила в стройный ряд вдоль стены. А швейным принадлежностям нашлось место под кроватью.

Все же Мария не могла не отметить, что чистотой и порядком дом Хордеров не отличался. В основной части дома – с кухней, кладовой, прихожей, ванной, большой гостиной, спальней и двумя комнатами поменьше на втором этаже – не то чтобы было много мусора, скорее там было много вещей, которые нужно было привести в порядок. Ну, или хотя бы просто сделать уборку, и было очевидно, что Эльсе Хордер сама с этой задачей уже не справлялась.

Гораздо хуже обстояли дела с сараем, мастерской и внешними пристройками. Везде было сложено много вещей – все от древесины, мебели и старых запчастей до тазов, тракторных покрышек и деталей от телеги. Создавалось ощущение, что все эти вещи пролежали там уже очень долго и едва ли могут быть для чего-то полезны.

Она уже видела подобное – дома, окруженные мусором, – и каждый раз поражалась: как можно так жить?

Мария не решалась спросить госпожу Хордер, почему они еще не избавились от этих вещей. Ведь нужно просто сложить их в багажник и отвезти на свалку. И сделать так пару раз. Хорошо, возможно больше, чем пару раз. Ей было стыдно смотреть на мусор, ведь теперь и она была частью этого места и чувствовала свою ответственность за него. И перед клиентами, которые иногда заходили в мастерскую, ей тоже было стыдно.

С другой стороны, мастерская полностью принадлежала Йенсу, а там вещей появлялось все больше и больше, поэтому уборка ничего бы не поменяла. Потом Мария вдруг поняла, что и сам Йенс не хотел избавляться от мусора, а его мать уже оставила попытки что-либо изменить.

В этом Эльсе Хордер и Мария Свендсен были похожи. Мария любила порядок, но еще больше – полюбила Йенса.

Ее странным образом потянуло к нему еще в первый день знакомства. Они тогда просто поздоровались друг с другом, но она успела почувствовать его замкнутость и понять, что в этом они похожи. Внезапная симпатия. Его глаза были такими темными, что показались ей

совсем черными. Или это зрачки были такими большими? У Йенса были каштановые волосы и усы, красивая, гладкая кожа и сильное, стройное тело. Ей захотелось сшить для него рубашку, и она представила, как ткань будет спадать по его плечам и груди. Как-нибудь она спросит у него разрешения. И тогда ей нужно будет снять с него мерки.

На пятый день работы у Хордеров, пока Эльсе отдыхала, Мария решила зайти в мастерскую. Эльсе сказала, что ей больно, но не сказала, что именно болит, и, как подсказал громкий храп, крепкому сну эта боль не мешала. Мария, конечно, очень жалела Эльсе из-за таких невыносимых болей, но все же находила их немного мистическими.

Она взяла чайник кофе и кусок свежего пирога для Йенса и надеялась, что у них завяжется разговор. Больше всего ей не хотелось показаться навязчивой. Дверь была прикрыта, но не заперта, и поскольку руки у Марии были заняты, она осторожно толкнула дверь плечом. Йенс стоял у станка, полностью поглощенный работой, и не заметил ее. Какое-то время она просто стояла и смотрела на него. На его руки. Они были больше похожи на руки художника, когда он проводил ими по ножке стола, которую ремонтировал.

Под его верстаком струились осколки и стружка, напоминающие вьюнок.

Мария смущенно кашлянула, чтобы привлечь его внимание. Потом еще раз. Испугавшись, Йенс наконец поднял глаза. На секунду Мария пожалела, что потревожила его. Но Йенс улыбнулся и рукой показал, что она может зайти. А чуть позже он побежал на кухню за второй чашкой. Мария слышала его хрустящие по гальке шаги. Туда и обратно. Ее сердце начало биться чаще. Она недвижно стояла с подносом, пока он убирал вещи и выдвигал ящик, который можно было использовать вместо стола. Потом в углу за мешками он нашел еще одну скамейку и вытер ее рукой. И хоть сидеть было низко и неудобно, им было хорошо вдвоем, они сидели и смотрели друг на друга, вдыхая аромат кофе и свежей древесины, и их зрачки расширялись от смущения.

Следующие месяцы были самыми счастливыми в жизни Марии. Мать Йенса ничего не подозревала, а они ничего не рассказывали, пока она однажды не застала их в сарае – они целовались, спрятавшись за коровой.

Эльсе Хордер не была в восторге от увиденного. Она сказала молодым людям, что их увлеченность друг другом будет мешать работе. Себе она говорила, что младшему сыну еще рановато заводить отношения с девушкой, хотя все вокруг считали, что как раз самое время.

Мария и Йенс настаивали, что на работе их отношения никак не скажутся, а госпожа Хордер начала замечать – с недовольством, – что Мария стала работать по дому еще усерднее. Ее не в чем было упрекнуть. То же касалось и Йенса. Он весь день пахал как лошадь, чтобы освободиться и вечером подержаться с Марией за руку. Они всегда пропадали в белой комнате, выпив с Эльсе вечерний кофе в гостиной, и со временем кофе в чашках становилось все меньше.

Чем больше они проникались друг другом, тем сильнее становилась боль Эльсе.

Она внушила себе, что так будет лучше всем, и начала незаметно подкладывать грязь на пол, который Мария только что вымыла, оставлять пятна на скатерти, которую Мария выстирала, и воротить нос от приготовленной ею еды.

«Йенс, мне кажется, нам нужно найти другую помощницу. Мария плохо справляется, – сказала она своему сыну, пока Мария была на острове по делам. – Я уже поговорила с вдовой Энджел. У нее много опыта, и предложение ее заинтересовало».

Скрупулезная вдова Энджел была далеко не ангелом. И Эльсе едва могла представить, что она куда-то упорхнет с ее сыном.

Кулак Йенса ударил по столу с такой силой, что боль Эльсе тотчас же увеличилась в разы.

«Ни за что! Если Мария уедет, я уеду вместе с ней!» – прогремел его голос. Это был уже не ребенок, а мужчина, которым он стал с Марией. Его голос был глубоким, как никогда прежде.

На секунду Эльсе почувствовала себя беспомощной, но постаралась не поддаваться панике. Эти слова пронзили ее в самое сердце. Йенс и раньше бывал упрямым, особенно когда умер отец – но тогда его упрямству хотя бы было объяснение. Однако он никогда не поднимал голос на мать. Ее ужаснуло, что он посмел говорить таким тоном с человеком, который любил его больше всех на свете. Эта ситуация напомнила ей о старшем сыне, но прежде всего подтвердила теорию о том, что Мария была угрозой.

Вдруг Эльсе услышала звук подъезжающего велосипеда – приехала Мария.

«Хорошо, если ты против... – сказала она так приветливо, как только могла. – Ты же знаешь, что я желаю тебе только лучшего, Йенс. Мы же так любим друг друга. Ты ведь не бросишь свою больную мать!»

Йенс повернулся и вышел. Его больная мать осталась одна в гостиной. Она сидела, смотрела в пустоту и думала о том, что это худший день в ее жизни.

Через какое-то время он снова зашел в комнату. При виде младшего сына у Эльсе Хордер потеплело на душе. Она снова увидела его нежный взгляд. Он тепло улыбался – так, как умел только он. Его темные глаза светились.

«Мария ждет ребенка», – счастливо сказал он.

Йенс и Мария сыграли свадьбу по любви, но в спешке. Их поженил мэр Корстеда. На свадьбу пришло несколько знакомых – они желали молодоженам счастья и размышляли о том, не поселится ли скоро на Ховедет еще один Хордер. «Вы заметили, что у невесты немного выделяется живот?» Но из вежливости все просто сплетничали, ничего не спрашивая напрямую. И, несмотря ни на что, гости радовались за молодых, потому что никто не сомневался – Йенсу пришлось нелегко после смерти отца и внезапного исчезновения старшего брата, хоть он никогда и не говорил об этом. Но Йенс ведь вообще говорил немного. Он был добрым и всегда готовым помочь, никогда не говорил больше необходимого, и поэтому с ним практически невозможно было завязать разговор. Мало кто думал, что ему вообще удастся найти девушку. «А может, она сама его нашла?» Гости рассматривали все варианты. Девушка была милой и красивой, но немного грустной. «А может, все это устроила его мать?»

После венчания гостей пригласили к столу. Домой Йенс и Мария отправились в сопровождении матери жениха, когда ей показалось, что им уже пора спать. Ее снова мучили боли.

Мария так и жила в белой комнате за мастерской, где Йенс составлял ей компанию на полутороспальной кровати, пока его мать спала в доме на двуспальной, мучаясь от болей.

* * *

В глубине души Йенс мечтал о сыне, Мария – о дочери, а Эльсе Хордер – о несчастном случае. И все три желания по-своему исполнились.

У Марии родились близнецы.

Их назвали Карл и Лив. Мама малышей не возражала против этих имен. У бабушки были другие варианты, но их никто не поддержал.

Сразу после рождения детей Йенс смог уговорить Эльсе отдать им с Марией спальню на втором этаже. Эльсе, конечно, сопротивлялась, но все же переехала в старенькую детскую Йенса. Комната была крохотной, к тому же Эльсе не нравился запах в ней. Но поскольку достаточно места для двух взрослых и двух колыбелей было только в спальне, Эльсе ничего не оставалось, как освободить ее.

Йенс настаивал на переезде в родительскую спальню и по другим причинам. Хоть сама Мария не говорила об этом, но во время беременности она сильно поправилась, и избавиться

от лишних килограммов у нее пока не получалось. Йенс догадывался, что в старой кровати ей было тесновато. Во всяком случае, ему в ней точно было тесновато.

Детские колыбельные Йенс сделал сам прямо к родам Марии, когда стало окончательно ясно, что они ожидают двойню. Хоть он никогда раньше и не мастерил колыбельные, у него получились две самые прекрасные кровати, какие только можно вообразить. Йенс с любовью оттачивал каждую деталь, так же, как и его отец, когда мастерил гробы. Закончив работу над второй кроватью, Йенс склонился над ней и подумал о том, какая счастливая жизнь их ждет впереди.

Пока Мария была беременна, мать Йенса была просто невыносима. Можно было подумать, что гормоны бурлили не у невестки, а у самой Эльсе, когда она кричала и просила принести ей кусок хлеба или чистое полотенце. Несмотря на стесненные условия, Эльсе почти все время проводила в своей комнате, просила приносить ей туда ужин, да еще и во всеуслышание жаловалась на меню.

Мария продолжала выполнять свои обязанности по дому насколько ей хватало сил. Для общего блага она старалась с улыбкой воспринимать нелепые капризы свекрови, но на самом деле Мария была вне себя и втайне мечтала о том, чтобы Эльсе провалилась сквозь землю. Ей казалось, что Йенс чувствовал то же самое, но не говорил об этом. Мария знала, что у Йенса с матерью была сильная связь, но не решалась проверять, прочнее ли была его связь с ней, его женой.

Несмотря на то что Йенса раздражало поведение матери, он был благодарен жене за ее любовь и двоих детей, и ничто не могло вывести его из себя. И вопреки упорным попыткам Эльсе обратить на себя его внимание он был прежде всего занят заботой о близнецах, Марии и наслаждался тем неземным счастьем, которое переполняло его день ото дня.

Так продолжалось какое-то время.

Однажды, пока Мария была в сарае, а Эльсе спала у себя в комнате, Йенс зашел проверить детей, как он всегда делал в обеденное время. Мальчик лежал на полу под колыбелью. В луже крови.

Моя бабушка

Мне никогда не рассказывали о том, что тогда произошло с моим братом Карлом. Я знаю только, что, когда мы были маленькими, с ним случилось несчастье, а потом бабушка переехала к своей двоюродной сестре на материк. А мы так и остались жить в нашем доме. Время шло, и мы становились больше. Особенно мама.

Про бабушку я узнала гораздо позднее. От нее самой. До этого я и понятия не имела, что у меня вообще есть бабушка. Но как-то раз она просто появилась у нас в доме, поселилась в комнате за мастерской, стала печь блинчики каждое утро. Так продолжалось почти весь месяц. Это был декабрь.

Папа не хотел разговаривать о ней. Видимо, он хотел поговорить не о ней, а *с ней*, и мне это казалось очень странным. Я любила есть ее блинчики и слушать рассказы про материк, но мне не нравилось, как она действовала на папу. Мама ее тоже не любила.

Не только из-за храпа. А храпела бабушка громко-прегромко! Если она спала днем, то это было слышно во всем доме.

Мама не любила ее прежде всего потому, что, когда она к нам приехала, все стало только хуже. Мне кажется, что-то вывело папу из себя. Во всяком случае, когда она сказала, что хочет забрать меня на материк и отдать там в школу, потому что для меня так будет лучше. Они не знали, что я тогда стояла за дверью и все слышала.

Дорогая Лив,

Твоей бабушки Эльсе становилось слишком много. Не так, как меня. По-другому. Честно говоря, мы так радовались ее отъезду, когда ты была еще совсем крошкой, и я совершенно не ожидала, что она вернется спустя столько лет. Тебе тогда как раз исполнилось семь.

А мне почти удалось забыть о ней.

Когда я снова увидела ее, меня словно схватили за горло, словно кто-то перекрыл весь воздух на Ховедет. Она покидала нас как раненое животное, ищущее место, чтобы умереть, и в глубине души я надеялась, что так и произойдет. И вот она снова здесь, стоит и улыбается, оскалив зубы, живая и невредимая, еще здоровее, чем была. Как же ее много!

Я не знала, что ей нужно. И не знала, понимала ли она, что тогда натворила. Она писала твоему отцу письма, но он сжигал их все, даже не прочитав. Даже не говоря об этом.

С тех пор, как она уехала, мы не обсуждали ее. Никогда не говорили о том, что произошло. Мы защищали себя.

Я снова забеременела.

С любовью, мама.

Возвращение

Эльсе Хордер поняла все с первого раза и расценила поступок сына как предательство, когда он попросил ее уехать с Ховедет.

Точнее – приказал ей.

Она злилась и сначала решила, что это она выгонит их из дома, что это сын должен пере-ехать. Но сделать это она так и не смогла. К тому же ей было невыносимо думать о том, что она останется в доме одна: без Силаса, без Могенса, без Йенса... со всеми воспоминаниями и болью в полном одиночестве. Ее двоюродная сестра была вдовой. Она решила помочь Эльсе и предложила ей свободную комнату. Мысль о том, чтобы навсегда покинуть остров, все больше привлекала Эльсе. Выход, который больше походил на освобождение.

Очень удивительно, что, живя среды природы – в окружении леса, лугов и моря из чистого воздуха, – можно быть запертым в клетке (именно так чувствовала себя Эльсе), а потом вдруг взять и стать свободным как птица среди навязчивых городских фасадов, острых углов и пелены выхлопных газов. Так и произошло. В городе она снова вдохнула воздух полной грудью. И даже болезнь отпустила ее. Боли сошли на нет, кровотечения прекратились, а вскоре она стала считать себя совсем здоровой.

Двоюродная сестра была очень умной, в прошлом работала медсестрой, и с ней Эльсе чувствовала себя в надежных руках. Говорить с кем-то «не из этих мест» было для нее облегчением. То же самое касалось жилья. Наконец-то Эльсе переехала в дом, где царил полный порядок. С годами ей все сложнее было понять, как покойный муж и младший сын могли жить среди кучи мусора.

Эльсе пришлось признать, что ее жизнь до и после несчастья была ужасной. После того как Йенс и Мария стали родителями, ее так мучили боли, угнетенность и необъяснимая злоба, что она не могла держать себя в руках. Она предъявляла своей невестке множество бессмысленных требований, вместо того чтобы помочь молодой матери, – она только огрызалась, препятствовала Марии, искоса смотрела на нее и чувствовала, как ее саму что-то душит изнутри.

Эльсе постоянно лежала на кровати, потому что пыталась сбежать – там эти омерзительные чувства при виде счастливых молодоженов не переполняли ее. Никогда она еще не чувствовала себя такой одинокой и ненужной, как после рождения близнецов. И никогда еще материнская ревность не была ей так ненавистна. Словно смирительная рубашка, которую она сама на себя надела, но не могла из нее вырваться. Нехватка прощения и любви смешивалась в ней с неумолимой тягой к тому, чтобы кто-то наконец заметил ее мерзкое поведение, – она это заслужила и прекрасно знала об этом.

Когда ее отправили в маленькую комнату, где со всех сторон давили стены, а ежедневный плач мальчика проникал сквозь известь словно кислота, она заглушала себя лекарствами и сном, удерживая тем самым эту удочку кошмара. Она стала мечтать о том, чтобы наконец на том свете встретиться со своим любимым Силасом и вновь обрести покой.

В день, когда произошло несчастье, она помолилась о том, чтобы уснуть вечным сном. Об этом она тоже рассказала сестре, которая заверила Эльсе, что с ее храпом это было бы проблематично.

Все же было то, что Эльсе не сказала никому. Перед тем как случилось несчастье, ее посетило плохое предчувствие, которое никак не отпускало ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.